

Р. М. БЕРНДТ
К. Х. БЕРНДТ

МИР
ПЕРВЫХ
АВСТРАЛИЙЦЕВ

Р. М. БЕРНДТ
К. Х. БЕРНДТ

МИР ПЕРВЫХ АВСТРАЛИЙЦЕВ

э

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

902,7
Б 48

Ronald M. Berndt and Catherine H. Berndt
THE WORLD OF THE FIRST AUSTRALIANS
Ure Smith. Sydney, 1964

Сокращенный перевод с английского
В. А. ЖЕРНОВА, В. М. КУДИНОВА

под редакцией
О. Ю. АРТЕМОВОЙ

Ответственный редактор
и автор предисловия
В. Р. КАЕО

Книга представляет собой фундаментальное этнографическое исследование, всесторонне освещающее традиционную общественную жизнь и культуру австралийских аборигенов: обычаи, обряды, верования, мифы, искусство.

Б $\frac{10602-072}{013(02)-81}$ БЗ-94-77-1981. 0508000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рональд и Кэтрин Берндт, авторы книги «Мир первых австралийцев», внесли большой вклад в этнографическое изучение коренного населения Австралии. Их имена хорошо известны специалистам-этнографам всего мира. Список их работ включает многие десятки наименований. Здесь и монографии и статьи, посвященные общественному строю, религии, мифологии, искусству, современному положению австралийских аборигенов. Можно смело сказать, что без трудов этих неутомимых исследователей мы знали бы об аборигенах Австралии гораздо меньше, а многого не знали бы совсем.

Важнейшие достижения Р. и К. Берндт находятся не столько в сфере теоретических обобщений, сколько в области непосредственных полевых исследований. Они прежде всего непревзойденные этнографы-полевики, посвятившие десятки лет полевым исследованиям почти во всех районах Австралии, где представители коренного населения еще сохраняют традиционный образ жизни, а первые исследования супругов Берндт относятся к 1940—1950 гг. Глубокое, всестороннее знание жизни и быта австралийских аборигенов позволило им выступить и с обобщающими трудами, главным из которых является настоящая книга. С известным правом ее можно назвать энциклопедией современного австраловедения. Здесь освещаются с равной степенью полноты почти все стороны традиционной культуры и традиционных общественных отношений коренных австралийцев. И самое ценное в книге то, что она вобрала в себя итоги полевых исследований очень многих ученых, прежде всего, конечно, самих авторов. Это грандиозный синтез, лишенный схематизма, присущего многим трудам, посвященным и коренному населению Австралии, и первобытному обществу в целом, синтез, раскрывающий жизнь аборигенов Австралии во всем бесконечном ее многообразии. После книги А. Элькина, одного из старейших и авторитетнейших австралийских этнографов нашего времени, книги, вышедшей на русском языке под названием «Коренное население Австралии»¹, данная теперь в русском переводе книга Р. и К. Берндт является вторым важнейшим обобщающим трудом, посвященным этой теме. Таким образом, советский читатель имеет теперь в своем распоряжении оба эти труда, ставшие настольными книгами каждого австраловеда, каждого, кого интересует жизнь человеческого общества на одной из самых ранних ступеней его развития. При этом вторая книга, вышедшая почти через тридцать лет после первого издания книги Элькина, почти не повторяет и значительно превосходит первую по охваченному ею материалу.

Значение этого материала невозможно переоценить. Этнография корен-

ного населения Австралии стала еще в прошлом веке одним из основных источников для изучения первобытного общества и остается им и сегодня. Общеизвестно, что данные этнографии призваны сыграть важнейшую роль в изучении ранних стадий развития человечества и проблема заключается лишь в методах использования этих данных². А среди этнографических материалов ведущее место принадлежит австралийским. Это объясняется тем, что аборигены Австралии, находясь почти в полной изоляции от остального мира, которая продолжалась вплоть до европейской колонизации, лучше, полнее, чем многие другие народы, сохранили наиболее архаические черты общечеловеческой культуры и общественного строя, восходящие еще к эпохе позднего палеолита и мезолита³. В этом отношении значение австралийской этнографии для науки, изучающей прошлое человеческого общества, исключительно. К тому же традиционная культура и общественный быт австралийских аборигенов хорошо изучены. Вот в чем значение и такого обобщающего труда, как «Мир первых австралийцев», в котором многие стороны традиционной культуры аборигенов Австралии освещены впервые с такой полнотой. Многие, но, к сожалению, не все.

Авторы очень подробно рассказывают о социальной структуре, о жизненном цикле и связанных с ним обычаях и обрядах, о религии, тотемизме, мифологии, магии, нормах общественного поведения и контроля, устном народном творчестве и изобразительном искусстве. Главы эти насыщены богатейшим фактическим материалом, за которым стоят многолетний труд, бесчисленные экспедиции и самих авторов книги, и других исследователей. Большинство вошедших в книгу легенд и мифов переведено авторами с местных языков. Р. и К. Берндт лишены предвзятых точек зрения: рисуемая ими картина объективна, они стремятся показать действительность во всей ее сложности и противоречиях, привлекая все новые факты. Одним из многочисленных примеров может служить хотя бы дискуссионная, во многом еще не решенная проблема тотемизма. Данные, приведенные авторами, показывают сложность и многоплановость этого явления, не поддающегося выражению в простой, «удобной» формуле. Это и религиозно-мифологическое осмысление кровнородственных и иных социальных связей, и утверждение единства человеческого общества и природы, и систематизация явлений окружающего мира и общества. Более того, тотемизм — это (как справедливо пишут авторы вслед за А. Р. Радклиффом-Брауном) система мировоззрения первобытного общества, выражение системы его ценностей, первобытная философия. Для аборигенов Австралии тотемизм и миф о Времени сновидений, времени творения, — миф, играющий такую большую роль в их традиционном мировоззрении, — неразрывно связаны и составляют единый комплекс. Он объединяет людей не только с природой, частью которой они себя видят, но и с надэмпирическим миром. Создание земли и вселенной во Время сновидений периодически воспроизводится в тотемическом обряде, и тем самым время творения не прекращается, оно продолжается вечно. Прошлое, настоящее и будущее сливаются в единый, непрерывный поток. Время сновидений — источник вечной жизни. Все, что непосредственно связано с ним, все, что соприкасается с бессмертной сущностью жизни, священно. Жизнь и смерть — только

две грани вечного потока бытия. С физической смертью жизнь не прекращается. Смерть — только другая форма нищаций, создания или воссоздания жизни из физической смерти. «Религия аборигенов ориентирована на два основных понятия — на физическое и духовное возрождение. Они пропозывают собой все аспекты социального бытия. Ключ к обоим лежит во Времени свидений»⁴. К этой характеристике необходимо лишь добавить, что тотемическая система синкретически слита не только с системой обрядов, но и с социальным поведением в целом, в чем можно видеть одно из ярчайших проявлений первобытного социально-идеологического синкретизма.

Первое издание книги «Мир первых австралийцев», которое легло в основу данного перевода, было опубликовано в 1964 г. С течением времени новые исследования приносили новые факты, которые нередко заставляли пересматривать прежние концепции. На страницах журналов и книг велась дискуссия по многим кардинальным проблемам австраловедения и истории первобытного общества. Такова, например, развернувшаяся в зарубежной науке в конце 60-х — начале 70-х годов дискуссия о признаках и сущности основного социально-экономического объединения австралийцев и других охотников и собирателей — общины. Добросовестные ученые, Р. и К. Беридт не могли пройти мимо новых данных, новых концепций. Стремясь оставаться на уровне современной науки, они, не меняя текста основных глав, ввели во второе издание своей книги, вышедшее в 1977 г., несколько дополнительных глав-комментариев, в которых попытались отразить то новое в австраловедении, что принесло с собой прошедшее десятилетие.

Но есть очень важные стороны традиционного общественного уклада аборигенов Австралии, которые в значительной мере оставлены авторами в тени. Таковы прежде всего многие аспекты экономики, отношений собственности. Без адекватного их освещения невозможно правильно понять ни общество аборигенов Австралии, ни любое первобытное общество вообще. Правда, в книге имеется глава, где говорится о способах добывания средств существования, о некоторых основах материального производства и техники, о половозрастном разделении труда и межличностном, межгрупповом и межплеменном обмене, играющем в Австралии не только собственно экономическую, но и важную социальную роль. Чувствуя, видимо, что этого недостаточно, авторы во втором издании своей книги поместили новую главу, названную ими «Отношение к земле», где осветили некоторые дискуссионные проблемы, связанные с отношениями собственности на землю.

Говоря о недостаточном освещении в книге важных сторон общественной жизни аборигенов, связанных с экономикой, следует, однако, начать с общины; а проблему собственности на землю рассмотреть в связи с ней. В своей книге Р. и К. Беридт различают также основные социальные группы традиционного австралийского общества, как локальная наследственная группа, клан, религиозное объединение, семья и орда. Локальная наследственная группа — это группа людей, живущих, как правило, на определенной территории и связанных со своей землей и между собой узами происхождения и родства, а также религии. Ее члены объединены происхождением по отцовской линии и могут проследить отношения между со-

бой генеалогически. Локальная наследственная группа, по словам авторов, владеет землей. Она экзогамна и вирилокальна, жеп она не включает. Женщины, вступая в брак, покидают свою локальную группу и уходят в группу мужа, но сохраняют духовные связи с родной землей. Мы могли бы с известным оспованием назвать такое объединение локализованным патрилинейным родом. Клан, как его определяют Р. и К. Берндт, это группа людей, которые считают, что они происходят по одной линии от общего предка, хотя и не всегда могут проследить отношения между собой генеалогически. Клан экзогамен, по этот признак присущ и локальной группе. Члены его могут не жить вместе на одной территории. Кроме того, в отличие от локальной группы клан может быть как патри-, так и матрилинейным. Религиозное объединение — это группа людей, связанных общей мифологической традицией или тотемом и регулярно совершающих соответствующие обряды. Семью авторы характеризуют как основную ячейку повседневной жизни общества. И, наконец, орда, состоящая из членов локальной наследственной группы и жен, пришедших из других локальных групп. Она добывает средства к существованию на территории своей локальной наследственной группы и иногда других групп. В зависимости от наличия пищи и воды орда — то концентрируется в одном месте, то рассеивается группами меньшего размера. Я предпочитаю орду называть общиной.

По мнению Р. и К. Берндт, земля находится в собственности не орды, а локальной наследственной группы. Последняя — землевладеющая группа, тогда как орда — группа-землепользовательница. В то же время они справедливо характеризуют орду, или общину, как главную охотничье-собираТЕЛЬскую ячейку общества. Но ведь это делает ее и субъектом собственности на землю в экономическом значении этого понятия, ибо в обществе первобытных охотников и собирателей земля находится в экономической собственности того коллектива, который трудится на этой земле и присваивает продукты своего труда. А таким коллективом является община в полном ее составе. Земля здесь неотчуждаема, ее нельзя передать или продать. В то же время локальная наследственная группа связана с землей не экономическими, а религиозно-тотемическими узами и общностью происхождения. Видимо, сущность и значение общины как важнейшей экономической общности авторам недостаточно ясны. Рассматривая определенную местность как принадлежащую им территорию, члены локальной наследственной группы или рода делают это главным образом потому, что на этой земле находятся тотемические святилища рода, из поколения в поколение наследуемые его членами. Одна из самых ярких черт религиозно-тотемической системы австралийцев — непосредственная связь ее с землей. Единство человека и общества с землей исполнено для аборигена глубочайшего значения, и религиозно-тотемическая и мифологическая системы призваны освятить, санкционировать эти связи. В условиях традиционной культуры аборигенов, по словам авторов, глубоко религиозны, и в основе их религиозности лежит чувство глубокой привязанности к земле, их собственной земле⁵.

В свое время У. Станнер предложил различать два типа связей аборигенов Австралии с землей. Объектом первого является то, что он называет

«владение» (estate). Это «страна», точнее, локус, духовный центр, система тотемических святилищ рода. Объектом второго — «область», «пространство» (range). Этим термином Сташвер обозначает землю, на которой вся община, включая родовое ядро и людей, влившихся в нее по браку, добывает средства к существованию. Первый тип связей обусловлен религиозно-тотемически, второй — экономически⁶.

Это хорошо выразили и сами авторы книги «Мир первых австралийцев» во втором ее издании, в упомянутой выше главе «Отношение к земле», в чем отразилась эволюция их взглядов на данную проблему. Они подчеркивают здесь, что община (орда) является экономической ячейкой, хотя и повторяют, что землей владеет локальная наследственная группа. Все общества аборигенов, пишут они, состоят из двух важнейших социальных общностей: экзогамных локальных наследственных групп и общин — экономических объединений людей, совместно живущих и сообща добывающих пищу. С этими двумя типами общностей связано двойственное отношение аборигенов к земле. Локальная наследственная группа — религиозное единство, чье отношение к земле определяется религиозно-тотемическими функциями, духовной связью ее членов с расположенными на этой земле центрами тотемического культа. Называя эту связь с землей собственностью, авторы в то же время признают, что она имеет, по существу, ритуально-мифологический характер. Община — экономическое единство. Но общности эти взаимосвязаны и взаимозависимы, прежде всего потому, что община состоит из людей, входящих в различные локальные наследственные группы, связанные между собой узлами кровного родства и свойства. Этим определяется и двойственная роль взрослого аборигена в жизни общества — как члена общины и как члена локальной наследственной группы. Земля общины нередко включает в себя территории нескольких локальных наследственных групп. При этом жены и мужья имеют равные права на ресурсы экономически осваиваемых ими территорий и коллективно присваивают их, за исключением особых случаев, когда те или иные виды ресурсов на основании социально-религиозных норм предназначены отдельным представителям тех или иных половозрастных категорий. Итак, в Австралии существует два уровня собственности на землю, пишет Р. и К. Берндт, — религиозный и экономический. Последний они считают вторичным, производным от первого⁷.

Наконец, в другой своей работе, посвященной двум племенам Западной Австралии — валмадьери и гугадья, Р. Берндт различает социальные общности двух типов, и каждая из них относится к земле по-своему: одна — посредством происхождения и родства, другая — посредством пользования землей как источником материальных благ. Первая — локализованный род (Берндт и здесь называет его локальной группой), вторая — община (орда). Говоря о «собственности» на землю рода, Берндт берет это слово в кавычки, признавая тем самым, что это не собственность в экономическом смысле слова. Связь рода с землей, по его словам, ритуально-мифологическая. Община состоит из семей и в силу родовой экзогамии включает членов более чем одного рода. Это группа, использующая землю для охоты и собирательства, связи ее с землей экономические. Но община — не просто совокупность семей. Это коллектив, члены которого объединены прочной

сетью взаимных обязательств и взаимной ответственности. Это социально-экономический базис общества. В то же время род и община теснейшим образом взаимосвязаны⁸.

Многие исследователи первобытных социально-экономических отношений не всегда достаточно четко отличают субъективное, или правовое, выражение собственности от реально складывающихся объективных отношений; не избежали этой ошибки и Р. и К. Беридт. Первое существование в представлении людей и может выражаться в их поведении, но оно не обязательно адекватно последним и зачастую отражает их не прямо, а в опосредствованной форме. Но именно объективные отношения собственности составляют политико-экономическое ее содержание. В первобытном обществе субъективные, или нормативные, отношения собственности в зависимости от меняющихся конкретных условий складываются различно. Так, в одних обстоятельствах группа людей может с оружием в руках защищать свою землю от посягательств чужеземцев, а в иных обстоятельствах та же группа добровольно предоставляет свою землю с ее ресурсами соседям и сама, если необходимо, находит средства к существованию на их землях, и тогда может возникнуть обманчивое впечатление (против которого Беридты решительно возражают), что собственности на землю здесь вообще не существует. Нередко при этом не вся община, а ее часть, например члены локализованного рода, и даже не всего рода, а только мужчины считаются собственниками земли. Происходит все это в силу достаточно сложных исторических причин. Почему, например, собственность на землю выступает порою в родовой форме? Это объясняется тем, что родовая организация, достигнув определенного развития, становится социально-регулирующим институтом, присваивающим некоторые важные социальные, религиозные и нормативные функции. Постепенно род начинает рассматривать себя и как собственника земли родовой общины — нередко потому, что на этой земле находятся святилища родного культа. Но означает ли это, что уже в первобытном обществе существует экономическое неравенство, что важнейшее средство производства — земля — находится в собственности одной части коллектива, представителей локализованного рода, а другие члены коллектива отстранены от нее? Нет, потому что экономически такое отношение рода к земле никак не реализуется, объективно первобытная община экономически выступает в полном своем составе в качестве субъекта собственности на землю. Все члены первобытной общины, равно независимо от их родовой принадлежности, равно участвуют в экономическом освоении общинной территории и присвоении ее ресурсов, и она принадлежит им всем, либо иной формы реализации собственности на землю в экономическом смысле первобытное общество не знает. Ведь мы находимся здесь еще на одной из самых ранних стадий формирования собственности как экономических отношений.

Территориальность, связь общины и племени с землей, которую они экономически осваивают, — одна из основ социально-экономической структуры первобытного общества, а коллективная собственность на землю — важнейшая, ведущая форма собственности в этом обществе.

Первым, кто ясно осознал различие между общиной и родом и признал его очень важным, был А. Р. Радклифф-Браун⁹. Однако и после него про-

блема еще долгое время оставалась дискуссионной. Теперь, во втором издании своей книги, Р. и К. Берндт уже более определенно, чем они это делали раньше, пишут о необходимости различать две фундаментальные социальные системы австралийского общества (и, добавляю я, любого общества на первобытнообщинной стадии развития): наследственную патрилинейную экзогамную группу — или род, — связанную происхождением и мифологической традицией, и группу, экономически осваивающую определенную территорию и объединяющую представителей разных родов, или общину. Системы эти основаны на двух различных типах отношений между людьми и землей — на ритуальном и экономическом. Каждый абориген является одновременно членом этих двух систем¹⁰.

Понимание того, что традиционное австралийское общество выжидается на двух принципиально различных, хотя и тесно связанных социальных структурах, постепенно пробивает себе дорогу в науку. А с ним связано и понимание необходимости отличать экономическое отношение общества к земле от ритуально-тотемического. Так, австралийский этнограф К. Мэддок в одной из работ пишет о существовании у аборигенов Австралии двух принципиально различных категорий прав на землю — экономической и религиозной. Субъектом религиозных связей с землей является род, экономический — община, включающая и жен, пришедших из других общин¹¹.

Итак, ведущим субъектом собственности на землю, основное средство производства в обществе первобытных охотников и собирателей, является община. В то же время в ранних источниках, относящихся к XIX в., можно встретить утверждение, что собственность на землю нередко имела у аборигенов Австралии семейный или даже индивидуальный характер. Об этом писали такие авторитеты, как Дж. Грей, Эд. Эйр, А. Хаунт, и при этом подчеркивали, что речь идет об экономической собственности, о собственности на естественные ресурсы. И хотя исследователи могли порой принять небольшую общину за отдельную семью, нельзя исключать и того, что в некоторых случаях существовала закрепленная обычаями и традицией связь отдельных семей с определенными охотничье-собирательскими угодьями. Такая собственность могла возникнуть вследствие расселения аборигенов на обширных пространствах племенных и общинных земель и периодической хозяйственно-бытовой самостоятельности семей, вследствие того, что отдельные семьи (или небольшие группы семей) бывали вынуждены на протяжении продолжительного времени — порой нескольких месяцев подряд — добывать пищу самостоятельно. В таких условиях притязания отдельных семей на угодья, которыми они пользовались периодически, иногда из поколения в поколение, получали реальное экономическое обоснование.

Подобная ситуация возникала порой и в иных, прямо противоположных условиях — на маленьких островах с их резко ограниченными ресурсами, которые не могли прокормить большое число людей. Так, аборигены о-вов Уэлсли и о-ва Бенгтик разделили свои острова на небольшие семейные участки, причем каждая семья жила и охотилась на своей территории¹². Явление это было здесь глубоко традиционным, не связанным с европейским или каким-либо иным воздействием извне. Его следует рассматривать как одно из проявлений социальной адаптации к условиям хозяйства. Разумеется, в первобытном охотничье-собирательском обществе

семейная собственность на землю по является частной собственностью, семейные участки не могут отчуждаться, над собственностью отдельных семей возвышается собственность общины на всю ее территорию, включая и семейные участки, семейная собственность интегрирована общинной собственностью, как сама семья — общиной.

Значение первобытной охотничье-собираательской общины не ограничивается ее ролью социально-экономического базиса общества. Она является важнейшим инструментом социальной адаптации — приспособления общества к условиям природной среды, осуществляемого посредством социальных механизмов. Благодаря универсализации механизмов активной адаптации человеку в отличие от других биологических видов еще на стадии присваивающей экономики удалось приспособиться к жизни во всех экологических средах, заселить почти всю планету. И достигается адаптация человеческого общества к условиям среды внебиологическими по своей социально-экономическому и культурным. При этом чем ниже уровень в этом процессе сама социальная структура, а точнее, те ее компоненты, которые непосредственно связаны с общественным производством, с добычей средств к существованию. Важнейшим из них является первобытная община. Здесь сами социальные механизмы как бы стремятся возместить недостаточное развитие материально-технической вооруженности общества.

И здесь обнаруживается интересное явление. Как бы различные природно-географические зоны земного шара первобытные охотники, рыболовы и собиратели не населяли, принципы организации их социально-экономических структур поразительно совпадают, имеют универсальный характер. Компоненты культур обществ на стадии присваивающей экономики группируются в два крупных блока. Первый характеризуется бесконечной вариативностью элементов, неповторимостью их сочетаний. Прочтите главы книги «Мир первых австралийцев», посвященные их социальной организации, — как сложна она и во многом уникальна. Порою кажется, что авторы стремятся еще более усложнить картину, вычлняя все новые категории, но не всегда достаточно четко разграничивая их, например половин и фратриид. Второй блок, напротив, характеризуется единичностью, в каких бы природно-географических и социально-исторических условиях данные общества не обитали. В основе его находится производственный коллектив — община, чутко реагирующая на все изменения природной среды, относительно стабильная и вместе с тем динамичная. Этот второй блок можно назвать системой или структурой социальной адаптации. Бесконечные, неповторимые сочетания элементов социальной организации, материальной и духовной культуры паложены на единую структуру социальной адаптации, подобно орнаментам, нашитым на основу ткани. Сложившаяся на протяжении многих тысячелетий истории первобытного общества, эта структура благодаря своей гибкости позволяла и позволяет обществам первобытных охотников, рыболовов и собирателей существовать в самой различной природной обстановке. Будучи инструментом приспособления общества к среде, она в своих основах, в принципах организации не меняется существенно вместе с изменениями в ней. Это как бы прочный фундамент, который дал

возможность человеческому обществу устоять и сохраниться в любых, в том числе в самых неблагоприятных, условиях. Авторы нашей книги можно упрекнуть в том, что они за сложностью социальной организации коренных австралийцев не увидели, не оценили всего значения этой важнейшей системы, на которой основывалось и традиционное общество аборигенов Австралии, и все другие общества на первобытнообщинной стадии развития.

Австралийские общины, несмотря на тесные связи с определенными территориями, предоставляют свои земли для охоты и собирательства другим общинам, когда последние испытывают недостаток в продовольственных ресурсах. Эта форма распределенного во времени взаимобмена имеет в традиционном австралийском обществе большое социальное и экономическое значение. Но если межобщинный и межплеменной обмен и связанные с ним явления в книге «Мир первых австралийцев» в значительной мере освещены, то почти совсем не уделено здесь внимания другой, не менее важной стороне жизни аборигенов — распределению, обмену продуктами охоты, рыболовства и собирательства внутри общины и между близкими родственниками из связанных родственными отношениями общин. Поэтому остановимся на этом подробнее.

Из поколения в поколение распределение осуществляется здесь согласно закрепленным традицией обычаям. В Центральной Австралии их сравнительно недавно наблюдал Р. Гоулд¹³. Охотничья добыча распределяется среди различных категорий родственников. При этом родственники, принадлежащие к другой общине, связанной с охотником отношениями свойства (также, как тестя и зятя), имеют преимущество и получают лучшую часть добычи, и это лишний раз указывает на значение семьи, связей по браку в традиционном австралийском обществе. И здесь процесс распределения — категория экономическая — наполнен глубоким социальным содержанием и призван укреплять связи между общинами. Распределение охотничьей добычи является, по существу, формой обмена, так как то, что охотник отдает другим сегодня, он получит от них завтра. Тот же принцип господствует и в отношениях между общинами.

При всем многообразии обычаев, связанных с распределением, при всех племенных и локальных различиях существуют строгие нормы, указывающие, кому, когда и сколько пищи должно доставаться, как делить то или иное животное и кому какая часть предназначена. Распределение пищи здесь не является уравнительным в прямом, буквальном значении этого слова. Если обобщать соответствующие обычаи, то приходишь к выводу, что в целом они отражают три типа явлений. Это, во-первых, степень участия, место и роль добытчика пищи в ее добычании. Так, охотник, убивший животное, распределяет его между остальными участниками охоты, причем ему самому достается порой далеко не лучшая часть. Распределение может зависеть также от затраченного труда и от того, в чьей собственности находятся орудия производства. Это, далее, характер внутробщинных отношений. Здесь учитываются пол и возраст, здесь действуют пищевые запреты, налагаемые на еще не прошедших или проходящих инициацию подростков, на женщин в период беременности и кормления детей, здесь нередко явными преимуществами обладают старшие мужчины, главы группы, руководители обрядов и церемоний, шаманы и врачеватели. Это,

наконец, характер межобщинных отношений. Определенные части добычи предназначаются для родителей жены и других родственников, живущих в другой общине, и тем самым узаконенное обычаем распределение пищи между родственниками по браку способствует укреплению традиционных связей между общинами. У аранда, например, убитый кенгуру делился на части и распределялся в основном в зависимости от того, убил его женатый или неженатый охотник. В обоих случаях распределение убитого животного отражало два разных типа внутри- и межобщинных отношений, две категории норм, обязательных для еще не вступивших или уже вступивших в брак охотников¹⁴.

Общественному распределению, согласно обычаю, подлежат продукты не только коллективной, но и индивидуальной охоты. В условиях первобытного коллективизма индивидуальное добывание пищи является лишь частным, эпизодическим проявлением коллективного труда всей общины. «У туземцев юго-восточной части Южной Австралии существует род товарищества, оформляющегося в отрочестве и продолжающегося всю жизнь, в распределении мяса кенгуру. Когда убивают кенгуру, каждый партнер берет определенную часть. А так как у каждого по восемь или десять партнеров, то в этом участвует все племя»¹⁵. У чепара на востоке Австралии существовал обычай, согласно которому после трудового дня на стоянке старейшина делил всю добычу за день пищу, мясную и растительную, поровну между всеми мужчинами, женщинами и детьми общины. Но у потьобалук убитый кенгуру передавался охотником одному из старейших мужчин группы, а тот делил его на части. Одну долю он удерживал для себя (часть из нее отдавал сыну своей сестры и родителям своей жены), другие части распределял между женатыми мужчинами, а остальное доставалось неженатым мужчинам¹⁶.

Вообще было бы ошибкой видеть проявление коллективизма только в стремлении делиться с другими, делить все поровну между всеми. Дело обстоит не так уж просто. У аборигенов Виктории имелся обычай, называемый «юрка баваар», что можно перевести как «обмен». Согласно этому обычаю, пища распределялась внутри общины по строгим, незыблемым правилам¹⁷. Слово «обмен» удачно отражает сущность явления. Это был закрепленный обычаем первобытный обмен продуктами охотничьей деятельности — добычей, обмен, распределенный во времени, объективной целью которого было упрочить связи между людьми внутри коллектива и вне его. А те, кто не был способен идти на охоту из-за преклонного возраста, получал лучшую часть добычи¹⁸, и в этом проявлялось стремление общества сохранить столь необходимых для него носителей жизненного, производственного, религиозно-магического опыта.

Отношения между общиной и территорией, природной средой представляют собой динамическую систему, стремящуюся к равновесию. Поддерживать это равновесие помогает способность общины распадаться на небольшие хозяйственные группы и отдельные семьи, периодически ведущие экономически самостоятельное существование, распадаться в целом в соответствии с ритмом, царящим в природе. Оставаясь сравнительно стабильной, община то рассеивается по своей территории или территории племени, то вновь объединяется в зависимости от размещения и количества продо-

вольственных ресурсов в соответствии с изменениями в экологической среде. Активная адаптация общины к условиям хозяйства осуществляется посредством периодического дробления ее на динамичные, меняющие состав и численность хозяйственные группы. Совокупность хозяйственных групп — форма существования общины в меняющихся экологических условиях. Колебания концентрации и децентрации первобытной общины имеют обычно правильный, циклический, экологически обусловленный характер. Первобытная община предстает перед нами как ответ общества на вызов естественной среды, как орудие преодоления среды и сохранения общества, как свидетельство торжества человека, стоящего еще на одной из самых ранних стадий материально-технического прогресса¹⁹.

Р. и К. Берндт придают большое значение роли женщины в общественной и религиозной жизни традиционного австралийского общества, и в этом они расходятся со многими своими предшественниками-австраловедами. Общая материалы Т. Штрелова и некоторых других авторов, а также собственные наблюдения, они во втором издании своей книги отмечают, что австралийские женщины обладали известными познаниями в области мифологии и культов; область священного не была от них полностью закрыта. И это, по мнению Берндтов, отвечает роли женщин в общественной жизни и экономике.

В экономике, как и в других сферах общественной жизни, роль мужчин и женщин уравновешена, и на их сотрудничестве покоится вся жизнь общества. Женщины добывают количественно больше пищи, чем мужчины, но мужские обряды призваны обеспечивать прирост растительных и животных ресурсов. То же и в распределении: усилия женщин направлены в основном на поддержание их семей, усилия мужчин — преимущественно на укрепление социальных внутри- и межобщинных уз.

Смежные поколения, половины и полуполовины, секции и подсекции, являются, по определению Р. и К. Берндт, не общественными группами (такими, как племена и общины), а социальными категориями. Они как бы пересекают общественные группы в разных направлениях, классифицируя людей для различных целей — участия в обрядах, заключения браков и т. д. Так, муж и жена должны принадлежать к противоположным половинам. Например, если один из них (в Северо-Восточном Арнемленде) принадлежит к половине *дуа*, другой должен быть *йиридья*. Ту же цель преследуют и полуполовины. В главе III первого издания авторы пользовались термином «фратрия», теперь, во втором издании, они предпочитают вместо него термин «полуполовина».

Р. и К. Берндт называют племя крупнейшей общественной группой, известной аборигенам Австралии. Вместе с тем они характеризуют его как главным образом лингвистическое единство. Язык, по их мнению, основной признак австралийского племени. Но даже и внутри племени могут существовать отдельные диалекты, причем в некоторых районах диалекты одного племени непосредственно переходят в диалекты другого племени. Таким образом, даже языковые границы нередко оказываются размытыми. Границы языка и племени часто не совпадают. Можно ли в таком случае вообще говорить о племени? Не случайно некоторые австраловеды отказываются от этого понятия. Думается, однако, что даже в подобных ситуациях перед

намп возникает некая общность, которая как бы возвышается над группой составляющих ее общин, хотя бы потому, что информационные связи внутри ее значительно интенсивнее, чем за ее пределами. Существование такой общности накладывает печать на сознание аборигенов и выражается в племенном самосознании. Аборигенам нередко свойственно двойственное самосознание — прежде всего общинное, а затем и племенное. Исторически племя, как и любое другое социальное явление, находится в постоянном движении и трансформации, и язык не может не отражать образование из отдельных племен более крупных этнических общностей и их распадение на отдельные племена. В то же время внутри племен обычно существует язык преимущественного общения, понятный всем его членам.

Уже в эпоху первобытности, в том числе и в Австралии, явления культуры распространялись далеко за пределы племенных границ. Ареалы распространения культурных явлений и племенные границы обычно не совпадали. Однако происхождение, а нередко и бытование многих явлений культуры традиционно связаны с определенными этносами.

На ранних уровнях развития племя не выступает еще как «политический» организованное единство. Составляющие его общины обычно являются автономными, самоуправляющимися ячейками. Но даже и здесь наблюдаются первые ростки общеплеменной власти — места в виде эпизодически собирающихся советов полноправных мужчин, а в некоторых случаях и в лице облеченных авторитетом руководителей.

То же относится и к проблеме собственности племени на землю. Первобытное племя — это совокупность общин, следовательно, общинных территорий. Чем архаичнее племя, чем слабее социальные узы, связывающие отдельные общины, тем менее выражена собственность на землю племени как целого. Она имеет здесь порой как бы иерархический характер, и над общинными территориями возвышается собственность на землю всего племени как суперструктуры. Собственность племени на землю — исторически развивающееся явление, как и само племя. Консолидация племени как целого — условие консолидации отношений собственности на уровне племени.

На любом этапе своего развития племя, если только оно не находится в исключительных условиях географической изоляции, не является полностью замкнутой, строго эндогамной общностью. В нормальных условиях некоторое (иногда довольно значительное) количество браков заключается за пределами племени. И все же генетическая проницаемость племени не ведет к его исчезновению. Для племени всегда характерно преимущественное заключение браков внутри своей общности, и это обстоятельство также свидетельствует о том, что племя представляет собой структуру, стремящуюся обеспечить свою цельность различными способами, включая и преимущественную эндогамию.

Подобно другим общественным институтам, племя исторически развивается, обогащаясь все новыми свойствами. Не все его признаки проявляются одновременно, они формируются постепенно, одни возникают раньше, другие — позже. Но даже на самых ранних уровнях развития племя — не просто аморфная совокупность общин, а структура, обладающая некоторыми присущими ей свойствами. Говоря об австралийском племени, мы имеем основание судить о генетически наиболее ранней из известных этногра-

фин стадий формирования племени как социального института и этнической общности.

Рассматривая искусство аборигенов Австралии, его различные формы, авторы нашей книги во втором ее издании довольно бегло касаются проблемы интеграции различных форм искусства, слияния искусства и общественной жизни в многообразных ее проявлениях²⁰. Между тем проблема эта очень важна для понимания и первобытного искусства, и самого первобытного общества²¹.

Говоря о религии австралийцев, о высших существах австралийской мифологии (таких, как Байаме, Дарамулун, Нгурундери, Бунджил), Р. и К. Берндт во втором издании своего труда затрагивают в связи с исследованиями известного религиоведа М. Элиаде большую дискуссионную проблему. Они возражают против понимания этих могущественных существ, этих демургов как монотеистических «Все-Отцов». По их мнению, существа эти являются равноправными участниками мифологической драмы наряду с другими действующими лицами австралийской мифологии²².

Стремление авторов книги «Мир первых австралийцев» к тому, чтобы их книга оставалась на уровне современной науки и сегодняшней действительности, проявилось и в очень важной проблеме, которой посвящена последняя глава, — проблеме современного положения коренного населения Австралии. Годы, прошедшие после первого издания книги, принесли много нового, и авторы приложили ко второму изданию дополнительную главу, где попытались отразить те новые процессы и тенденции, те перемены, которые произошли в положении аборигенов за минувшее десятилетие. В этой новой главе нашли отражение сдвиги не только в развитии самих аборигенов, но и в отношении к этому развитию всего австралийского общества. Так, если в начале 60-х годов Р. и К. Берндт, подобно многим другим, в том числе самим аборигенам, полагали, что единственно возможным исходом объективных процессов может быть лишь культурная ассимиляция аборигенов с европейским населением Австралии, во втором издании они показывают, что в настоящее время аборигены охвачены движением за национальное самоопределение, за сохранение и развитие собственного самобытного культурного наследия. Р. и К. Берндт осветили новые явления в положении и развитии аборигенов не только во втором издании своей книги, но и в других публикациях²³, ибо ученых глубоко интересуют процессы, протекающие в обществе аборигенов сегодня, их нынешнее положение — экономическое и социальное, политическое и правовое²⁴.

В подготовке перевода этой книги к изданию большую помощь оказала мне этнограф-австраловед О. Ю. Артемова.

В. Р. Кабо

¹ А. Э л ь к и п. Коренное население Австралии. М., 1952.

² См., например: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.

³ В. Р. Кабо. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.

⁴ R. M. and C. H. Berndt. The World of the First Australians. 2nd ed. Sydney, 1977, с. 303, 487—489.

⁵ Там же, с. 517—518.

⁶ W. E. H. Stanner. Aboriginal Territorial Organization: Estate, Range, Domain and Regime.— «Oceania». 1965, vol. 36.

⁷ R. M. and C. H. Berndt. The World of the First Australians. 2nd ed., с. 138—143.

⁸ R. M. Berndt. The Walmadjeri and Gugadja.— «Hunters and Gatherers Today». N. Y., 1972.

⁹ A. R. Radcliffe-Brown. The Social Organization of Australian Tribes.— «Oceania». 1930, vol. 1.

¹⁰ R. M. and C. H. Berndt. The World of the First Australians. 2nd ed., с. 95—97.

¹¹ K. Maddock. Einige ungelöste Fragen der Ökonomie und der lokalen Organisation der australischen Ureinwohner.— «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift». 1978, 19 Jhrg, H. 4.

¹² Д. Рафси. Луна и радуга. М., 1978, с. 10, 41, 96.

¹³ R. A. Gould. Yiwara. Foragers of the Australian Desert. N. Y., 1969, с. 16—18; он же. Notes on Hunting, Butchering and Sharing of Game Among the Ngatjara and Their Neighbors in the West Australian Desert.— «Kroeber Anthropological Society Papers». 1967, № 36.

¹⁴ C. Strehlow. Die Aranda und Loritja-Stämme in Zentral Australien. Frankfurt, 1907, B. 4, Abt. 2, с. 4, 12.

¹⁵ R. Brough Smyth. The Aborigines of Victoria. Vol. 1. Melbourne, 1878, с. 235.

¹⁶ A. W. Howitt. The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904, с. 767—768.

¹⁷ J. Dawson. Australian Aborigines. Melbourne, 1881, с. 22.

¹⁸ H. Petri. Sterbende Welt in Nord-West Australien. Braunschweig, 1954, с. 34—39.

¹⁹ Подробнее об общине у аборигенов Австралии см.: В. Р. Кабо. Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979; V. R. Кабо. Die australische Lokalgruppe.— «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift». 1978, 19 Jhrg, H. 4.

²⁰ R. M. and C. H. Berndt. The World of the First Australians. 2nd ed., с. 447—452.

²¹ В. Р. Кабо. Синкретизм первобытного искусства (По материалам австралийского изобразительного искусства).— Ранние формы искусства. М., 1972.

²² R. M. and C. H. Berndt. The World of the First Australians. 2nd ed., с. 301—302.

²³ Например: Aborigines and Change. Australia in the 70s. Ed. by R. M. Berndt.— Australian Institute of Aboriginal Studies. Social Anthropology Series № 11. Canberra, 1977.

²⁴ Подробнее о современном положении аборигенов Австралии см.: F. Rose. Australien und seine Ureinwohner. В., 1976; О. Ю. Артемова. Прошлое и настоящее коренных австралийцев.— Расы и народы. Вып. 10. М., 1980.